

Беккин Р.И. «Спасибо татарам, – они мой главный ресурс...» (Дело Габидуллы Курбангалиева и проблема сотрудничества между лидерами черносотенного движения и правыми деятелями в среде мусульман)

DOI 10.31162/2618-9569-2020-13-4-763-793

УДК 94(47).083

Original Paper

Оригинальная статья

**«Спасибо татарам, – они мой главный ресурс...»
(Дело Габидуллы Курбангалиева и проблема
сотрудничества между лидерами черносотенного
движения и правыми деятелями в среде мусульман)**

Р.И. Беккин^{1, 2а}

¹Институт востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Африки РАН, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3919-1097>, e-mail: bekkin@mail.ru

Резюме: Статья посвящена вопросам сотрудничества мусульманских религиозных деятелей с лидерами правомонархического (черносотенного) движения. В качестве примера рассматривается дело ишана Габидуллы Курбангалиева (1859–1919), адвокатом по которому выступал известный правый политик, правовед Б.В. Никольский (1870–1919). Основываясь на архивных документах, в частности на материалах указанного дела, автор ставит вопрос: почему мусульмане с правыми взглядами не рассматривались руководством черносотенного движения как идейные союзники?

Ключевые слова: Габидулла Курбангалиев; Мухаммед-Сафа Баязитов; Б.В. Никольский; правомонархическое (черносотенное) движение; ишан; Медиак

Для цитирования: Беккин Р.И. «Спасибо татарам, – они мой главный ресурс...» (Дело Габидуллы Курбангалиева и проблема сотрудничества между лидерами черносотенного движения и правыми деятелями в среде мусульман). *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(4):763-793 DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-4-763-793.

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

«Thanks to the Tatars – they are my main resource...» (The case of Gabidulla Kurbangaliev and the problem of cooperation between the leaders of the Black Hundred movement and right-wing figures among Muslims)

R.I. Bekkin^{1, 2a}

¹*Institute of Oriental Studies at the Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, the Russian Federation*

²*Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3919-1097>, e-mail: bekkin@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the issues of cooperation of Muslim religious leaders with the leaders of the right-wing monarchist (Black Hundred) movement. As an example, the case of ishan Gabidulla Kurbangaliev (1859–1919) is considered, whose attorney was the well-known right-wing politician, lawyer Boris V. Nikolsky (1870–1919). Based on archival documents, in particular, the materials of this case, the author raises the question: Why were Muslims with right-wing views not seriously considered as ideological allies by the leadership of the Black Hundred movement?

Keywords: Gabidulla Kurbangaliev; Muhammed-Safa Bayazitov, Boris V. Nikolsky; Black-Hundred movement; ishan; Mediak

For citation: Bekkin R.I. «Thanks to the Tatars – they are my main resource...» (The case of Gabidulla Kurbangaliev and the problem of cooperation between the leaders of the Black Hundred movement and right-wing figures among Muslims). *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(4):763-793 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-4-763-793

Введение

Характерной особенностью значительной части исследований, посвященных вопросам взаимодействия мусульман – подданных Российской империи – с представителями правомонархического (черносотенного)¹ движения в начале XX столетия, является ярко выраженный тенденциозный характер². Любой, даже единичный факт сотрудничества мусульман (особенно если речь

¹ Автор находит справедливым предложение ряда исследователей использовать определения «правомонархический» и «черносотенный» в качестве синонимов (см., например: [1, с. 3; 2, с. 8] и др.).

² На это обстоятельство автор указывал в своих ранних публикациях, в частности: [3, с. 33]. См., например, отчет о конференции «Кадимизм в религиозной и общественно-политической жизни татар Российской империи» (Ордынский В. В. Казани вспоминали татар-черносотенцев. *Русская народная линия*. 2012. 10 мая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2012/05/11/v_kazani_vspominali_tatarchernosotencev) (дата обращения: 18.10.2020).

идет о религиозных деятелях) с представителями правого лагеря преподносится историками, придерживающимися правых взглядов, как свидетельство безоговорочной поддержки мусульманами (если не всеми, то значительной их частью) не только самой идеи монархии, но и правомонархических политических партий и организаций³.

В ряде работ автор публикации предпринял попытку разобраться, какой характер носило это взаимодействие и как воспринимались мусульмане в среде черносотенцев [6, с. 237–244; 7, с. 99–112; 3, с. 33–44], сконцентрировав внимание на двух известных мусульманских религиозных деятелях – Атаулле и Мухаммед-Сафе Баязитовых. Выбор этих фигур был обусловлен тем, что и отец, и сын Баязитовы тесно сотрудничали с представителями правых кругов. Это сотрудничество впоследствии оборачивалось для них репутационными издержками, в особенности для Мухаммед-Сафы, у которого сформировался в среде единоверцев имидж агента «охранки» (Охранного отделения Департамента полиции МВД Российской империи), несмотря на то, что никаких документальных подтверждений этому обнаружено не было [8, с. 1058–1072]. Главным контактным лицом, связывавшим Атаулла Баязитова с правомонархическими кругами, был один из лидеров черносотенного движения Василий Львович Величко (1860–1903). Ключевым контактным лицом для Мухаммед-Сафы (по крайней мере до 1915 г., когда Баязитов был назначен муфтием Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) в Уфе) был член (с 1903 г.) основанного В.Л. Величко «Русского собрания», правовед и практикующий адвокат (присяжный поверенный) Борис Владимирович Никольский (1870–1919). Никольский не только вел дела самого Баязитова, но и выступал законным представителем тех лиц, за которых хлопотал Мухаммед-Сафа. Одним из них был *ишан* Габидулла Курбангалиев (1859–1919).

Габидулла – сын *ишана* Абдул-Хакима Курбангалиева (Курмангалина) (1809–1872). Среди учеников этого известного в Волго-Уральском регионе суфийского шейха был, в частности, Зайнулла Расулев (1833–1917). В дальнейшем между Абдул-Хакимом и Расулевым возникли разногласия, связанные как с вопросами культовой практики, так и с методикой преподавания религиозных дисциплин.

³ Одним из немногих примеров взвешенного подхода к проблеме являются, в частности, работы Е.М. Михайловой [4, с. 489–496; 5, с. 150–153] и др.

Габидулла продолжил дело своего отца. На следующий год после окончания медресе в Троицке, в 1882 г., он был избран прихожанами имам-хатибом пятивременной (т.е. квартальной) мечети в селе Медиак (ныне – территория Челябинской обл.) и утвержден в этом качестве Оренбургским магометанским духовным собранием. В 1885 г. мечеть в селе получила статус соборной, а основанный еще в 1860 г. *мектеб* (начальное учебное заведение для мусульман) при ней был преобразован в *медресе*, которое стало известно далеко за пределами Оренбургской губернии. По утверждению некоторых исследователей, данное учебное заведение, где *шакирды* обучались по старометодной системе, не уступало по уровню подготовки его выпускников передовым джадидистским *медресе*, набиравшим популярность на рубеже XIX и XX столетий [9, с. 75].

В 1912 г. произошло событие, которое положило начало сотрудничеству Курбангалиева с Никольским. Решением Оренбургского губернского правления от 16 августа 1912 г. *ишан* Габидулла Курбангалиев был временно отстранен от должности *ахуна* и выслан на 3 года в г. Петропавловск Акмолинской области как политически неблагонадежный. Курбангалиева обвиняли: 1) в скрытом противодействии распространению русской грамоты среди башкир, 2) в оказании влияния при избрании кандидатов на все сельские и волостные должности⁴.

Пытаясь добиться необходимого ему решения, Курбангалиев обратился за содействием к *ахуну* Мухаммед-Сафе Баязитову, в то время являвшемуся имам-хатибом Второго магометанского прихода в Санкт-Петербурге. Мухаммед-Сафа и сын *ишана* – Мухаммед-Габдулхай – были друзьями. Баязитов рекомендовал Курбангалиеву в качестве защитника и представителя его интересов Бориса Владимировича Никольского⁵.

Прежде чем перейти к описанию деталей этого дела, будет уместным более подробно остановиться на личности самого Никольского.

Б.В. Никольский: эпизоды биографии

Никольский стал приверженцем правомонархических идей еще будучи студентом Санкт-Петербургского университета. Получив должность приват-доцента университета, он начал открыто выражать свои политические взгляды

⁴ О восстановлении Курбангалиева Г.Г. в должности *ахуна* деревни Меднак Оренбургской губернии (1904–1913). ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1418. Л. 6.

⁵ Согласно «Дневнику», 25 января 1913 г. Никольский «получил через Зиновьева и Баязитова дело Курбангалиева» [10, с. 120].

ды перед аудиторией. Среди студентов Никольского были и восточные инородцы – «кавказцы и азиаты» [11, с. 365]⁶. Политические воззрения Бориса Владимировича стали причиной его конфликтов с коллегами по университету и привели к срыву защиты его докторской диссертации, после чего Никольский сосредоточился на адвокатской практике.

В 1903 г. Борис Владимирович вступил в правомонархическую организацию «Русское собрание», в 1905 г. вошел в состав Совета Союза русского народа, одной из наиболее известных черносотенных организаций. В том же году Никольский поступил личным секретарем к генералу Е.В. Богдановичу (1829–1914), прославившемуся изданием верноподданнических брошюр. В конце 1905 – начале 1906 г. Никольский выступил одним из организаторов Всероссийского съезда русских людей, в котором приняли участие представители черносотенных организаций со всей страны. В ходе конфликта между различными группами в расколовшемся черносотенном движении Никольский поддержал радикального А.И. Дубровина против более умеренного Н.Е. Маркова, что привело к спаду политической деятельности Никольского. В ходе политической борьбы внутри движения Никольский был исключен из членов «Русского собрания».

В 1913–1916 гг. Никольский являлся профессором римского права в Училище правоведения в Санкт-Петербурге, где также вел курс новейшей русской словесности. С конца 1913 г. Борис Владимирович – ординарный профессор юридического факультета Юрьевского университета, а с 1914 г. – приват-доцент на кафедре латинской словесности в том же учебном заведении. При этом Никольский не оставил и адвокатской практики.

Работа присяжным поверенным, преподавательская, литературная и общественная деятельность – все это нашло отражение на страницах дневника, который Борис Владимирович вел с середины 1890-х гг. (хранится в Российском государственном историческом архиве, опубликован в 2015 г.) [11; 10]. «Дневник» Никольского, наряду с письмами к нему М.-С. Баязитова, является основным источником, раскрывающим характер сотрудничества этих двух деятелей правомонархического движения, но жанр данного документа не позволяет понять деталей описываемых событий, если не известен их исторический контекст.

⁶ Нельзя, впрочем, исключать, что те кавказцы и азиаты недостаточно хорошо владели русским языком и были очарованы ораторским искусством Бориса Владимировича, а не содержанием его лекций.

Как видно из материалов «Дневника», Мухаммед-Сафа Баязитов по делу Курбангалиева взаимодействовал в основном непосредственно с Никольским. Что касается других вопросов, например связанных с подготовкой устава правомонархической мусульманской партии «Сират аль-мустахим» («Прямой путь»), то, как правило, с Никольским по этому вопросу контактировал Фатих Байрашев⁷ (либо один, либо вместе с Баязитовым⁸).

Несмотря на то, что по своим политическим взглядам Курбангалиев был близок Никольскому, тот в своем «Дневнике» никоим образом не затрагивает этот вопрос. Чем вызвано такое безразличие Бориса Владимировича к идейным воззрениям *ишана*, сказать сложно. Возможно, Никольский отделял свою работу от общественно-политической деятельности. И Курбангалиев, и другие татары, с которыми он сотрудничал, рассматривались им исключительно как хороший источник для пополнения собственного бюджета: «спасибо татарам, – они мой главный ресурс...» [10, с. 159]. Благодаря «Дневнику» известны, например, такие детали, как размер гонорара, который получил Никольский за ведение дела Курбангалиева в Сенате, – 800 рублей [10, с. 133]. Всего же адвокат заработал на юридической помощи *ишану* 1600 рублей [10, с. 159].

Дело Курбангалиева: причины и последствия

Это было непростое дело. Как уже отмечалось выше, в августе 1912 г. Габидулла Курбангалиев был временно отстранен от должности *ахуна* и выслан на 3 года в г. Петропавловск как политически неблагонадежный. Согласно данным, приводимым в Постановлении Оренбургского губернского правления, начиная с 1907 г. на Курбангалиева стали поступать жалобы как на имя губернского начальства, так и в Министерство внутренних дел⁹. Основным жалобщиком выступал дворянин Хамидулла Шагингареевич Кучуков (1871–?), уроженец села Медиак, учитель (*мугаллим*). Его показания были подтверждены рядом свидетельств местных жителей. Вместе с тем в распо-

⁷ Фатих Атауллович Байрашев (ум. 1917) – ресторатор, владелец торгового дома «Канд. Ком. Ф.А. Байрашев Ко». Арендовал несколько ресторанов и буфетов на вокзалах Петербурга и Петербургской губернии. Был другом и единомышленником М.-С. Баязитова.

⁸ Никольский был автором устава партии. Подробнее об этом см.: [3, с. 33–44].

⁹ О том, что Курбангалиев был человеком сложным и у него складывались непростые отношения с некоторыми односельчанами, свидетельствуют материалы прессы тех лет, приведенные М. Родновым. Согласно этим материалам, например, Курбангалиев отказывался выполнять обряды в отношении лиц, с кем он состоял в конфликте [12, с. 140–148].

ражении Оренбургского губернского правления имелось свыше 20 прошений от разных лиц, написанных в поддержку Курбангалиева. Кроме того, на имя министра внутренних дел поступило письмо от муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания в Уфе Мухамедьяра Султанова (1837–1915) от 8 августа 1910 г., в котором содержалась характеристика *ахуна* как «человека хорошего поведения, аккуратного по службе, верного правительству и благонадежного в политическом отношении»¹⁰.

В вину Курбангалиеву вменялось «скрытое противодействие... распространению среди башкир русской грамоты, объясняемое его заботой о сохранении башкирами чистоты своих первобытных нравов, так как обрусевшие башкиры впадают, по его убеждению, в пороки пьянства и картежной игры», «влияние... при выборах на все сельские и волостные должности, вследствие чего все эти должностные лица являются "ставленниками" Курбангалиева»¹¹.

14 мая 1913 г. состоялось новое заседание Оренбургского губернского правления, на котором было принято решение не допустить Курбангалиева на занимаемую им прежде должность, несмотря на то что ахун был признан политически благонадежным. Основанием для подобного решения послужило предложение, что «допущение Курбангалиева на должность магометанского духовного лица является нежелательным и противным требованиям ст[атьи] 1435 уст[ава] дух[овных] дел иностр[анных] исповед[аний], в соответствии с которой избираемые должны быть "в верности надежные и доброго поведения"»¹².

Подобная мотивация решения отражала умонастроения определенной части чиновничества, ответственного за проведение конфессиональной политики в стране. Несмотря на то, что Курбангалиев и подобные ему религиозные деятели служили реальной опорой правящему режиму в среде мусульман, они не могли быть защищены от санкций со стороны властей в случае проявления минимального расхождения с государственной политикой. Габидулла Курбангалиев, будучи сторонником монархии и правых партий, воспитывал в духе лояльности к власти и свою паству. Но вместе с тем он вы-

¹⁰ О восстановлении Курбангалиева Г.Г. в должности ахуна деревни Меднак Оренбургской губернии (1904–1913). ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1418. Л. 11, 12.

¹¹ Там же. Л. 15–15об. В ряде статей фигурирует указание на то, что Габидулла Курбангалиев дважды (в 1903 и 1912 г.) отстранялся от должности *мударриса* за «увлечение суфизмом», однако детали этого обвинения авторами не раскрываются (см., например: [13, с. 229]).

¹² О восстановлении Курбангалиева Г.Г. в должности ахуна деревни Меднак Оренбургской губернии (1904–1913). ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1418. Л. 6 об.

ступал против русификации башкирского населения. Будучи представителем традиционалистского (кадимистского) крыла в среде мусульманских религиозных деятелей, Курбангалиев придерживался той точки зрения, что мусульмане должны существовать максимально обособленно от русского населения. Негативное влияние контактов с русскими проявлялось, по мнению *ишана*, в том, что башкиры начинали вести безнравственный с точки зрения ислама образ жизни («обрусевшие башкиры впадают... в пороки пьянства и картежной игры»¹³). Одним из способов сдерживания контактов мусульман с русскими был языковой барьер. Кадимисты не поощряли изучение русского языка в мусульманских учебных заведениях, хотя и не отрицали необходимость его знания¹⁴.

Таким образом, борьба за сохранение нравственности в среде вверенной Курбангалиеву паствы (т.е. выполнение задач, возложенных на него не только исламом, но и государством, видевшим в исполнении верующими предписаний религии проявление лояльности по отношению к власти) вступало в противоречие с задачами русификаторской политики конца XIX – начала XX в.

Кроме того, власти опасались любой инициативы, проявляемой иноверцами и инородцами, даже если эти инициативы были направлены на поддержку монархии. Любая консолидация мусульман даже на проправительственной платформе виделась в качестве потенциальной угрозы существующему строю. Наиболее ярко это проявилось в вопросе о регистрации правомонархической партии «Сират аль-мустахим». Чиновники считали, что от создания политической партии мусульман будет больше вреда, чем пользы [3, с. 33–44].

Точка зрения самого Г. Курбангалиева на выдвинутые против него в разные годы обвинения наиболее обстоятельно изложена в «Докладной записке», датированной январем 1913 г. и адресованной министру внутренних дел. Записку со слов отца составил сын *ишана* – Мухаммед-Габдулхай¹⁵. В записке говорится о том, что Курбангалиеву «вменяется в вину четыре рода действий: 1) собирание денег на турецкий флот, 2) агитация против русских школ,

¹³ О восстановлении Курбангалиева Г.Г. в должности ахуна деревни Меднак Оренбургской губернии (1904–1913). ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1418. Л. 15–15 об.

¹⁴ Согласно действовавшему законодательству, кандидат на должность *муллы* должен был владеть русской разговорной речью и уметь читать по-русски.

¹⁵ О восстановлении Курбангалиева Г.Г. в должности ахуна деревни Меднак Оренбургской губернии (1904–1913). ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1418. Л. 31 об.

- 3) возбуждение башкирского населения против действий правительства и
- 4) агитация за создание особого башкирского войска»¹⁶.

Далее Курбангалиев последовательно по пунктам опровергает предъявленные ему обвинения.

По вопросу о сборе денег на турецкий флот он пишет: «О собирании денег на турецкий флот среди российских мусульман не слыхал даже отдаленнейшим образом. Деяние, я считаю, изменническим. Глубоко убежден, что не только я, человек консервативных взглядов, но и кто бы то ни был из мусульман никогда ничего подобного не совершал и совершить не мог. Самая мысль о содействии усилению какого-либо государства за счет Российской Империи, если бы таковая мысль и возникла, не нашла бы и не могла бы найти никакого сочувствия среди мусульманского населения, глубоко преданного своей родине»¹⁷.

Ситуация на самом деле была не столь однозначной. Напомню, что составленный Курбангалиевыми документ относится к самому началу 1913 г. До начала Первой мировой войны, во время которой Россия и Турция воевали друг с другом, оставалось еще полтора года. Однако в это время шла Первая Балканская война, в которой против Османской империи воевали Болгария, Греция, Сербия и Черногория, объединенные в Балканский союз. Россия не была стороной этого конфликта, но сочувствие правящего класса было на стороне противников Турции. В то же время в среде мусульман и, в частности, тюркского населения Волго-Уральского региона проявлялись открытые симпатии к Османской империи. Так, в татарской газете «Кояш» было написано: «Мы, татары, естественно не можем сохранить хладнокровие: при каждом поражении турок наши сердца разрываются, сопереживаем их бедствиям и позору» [Цит. по: 14, с. 14].

Некоторые мусульмане империи отправились на фронт в качестве добровольцев, чтобы воевать на стороне Турции. По всей империи мусульмане собирали пожертвования в пользу турок. Эта деятельность в большинстве случаев жестко пресекалась имперскими властями (за исключением Крыма) [14, с. 17–19]. Возможно, сам Курбангалиев и был противником какой бы то

¹⁶ О восстановлении Курбангалиева Г.Г. в должности ахуна деревни Меднак Оренбургской губернии (1904–1913). ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1418. Л. 30.

¹⁷ О восстановлении Курбангалиева Г.Г. в должности ахуна деревни Меднак Оренбургской губернии (1904–1913). ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1418. Л. 30–30 об.

ни было поддержки Турции, но его слова, касающиеся всех мусульман – подданных Российской империи, не соответствуют действительности.

Пока тянулось дело Курбангалиева, началась Первая мировая война, и обвинения (пусть и мнимые) в сочувствии Турции, звучавшие в 1912–1913 гг., совсем по-иному воспринимались в 1914–1915 гг., хотя и относились к более раннему периоду.

Что касается второго пункта («агитация против русских школ»), то здесь также не все выглядит столь однозначно, как это хотел показать в своем опровержении Курбангалиев. *Ишан* отверг и это обвинение, заявив следующее: «Что касается обвинения в агитации против русских школ, то в этом отношении мне достаточно сослаться на два обстоятельства, вполне, как мне кажется, опровергающих правильность этого обвинения: в 1897 году при моем медресе был открыт русский класс для обучения учеников русской грамоте. Я первый искренне приветствовал открытие русской школы и все силы положил на то, чтобы вселить в население доверие к ней. Затем, в 1907 году, я, будучи посланным населением, принимал участие в работе образованной в этом году при Министерстве Народного Просвещения Комиссии для пересмотра правил 31 марта 1906 года, имевшей своим предметом выработку норм, определяющих распространение русского просвещения среди инородцев»¹⁸.

Как уже было отмечено выше, одним из краеугольных пунктов политики традиционалистов (кадимистов) было стремление оградить мусульман от влияния русских. Очевидно, что незнание русского языка по крайней мере снижало степень этого влияния и сдерживало развитие контактов между представителями различных религиозных традиций. Однако, с другой стороны, если создание русского класса при медресе было предписано вышестоящей властью, едва ли *ишан* осмелился бы открыто выступить против этого. Все, что он мог делать, – это не оказывать этому предприятию никакого содействия со своей стороны.

Любопытно, что в качестве аргумента в защиту *ишана* Габидуллы Мухаммед-Габдулхай приводит собственный пример: будучи учеником своего отца, он мог хорошо читать и писать по-русски¹⁹. При этом Курбангалиев-младший умалчивал, что религиозное образование он получил в джадидит-

¹⁸ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1418. Л. 30 об.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1418. Л. 18.

ском медресе «Расулия», где обучение происходило по новометодной системе, то есть предполагало, в том числе, интенсивное изучение русского языка. Таким образом, нельзя исключать того, что русский язык Мухаммед-Габдулхай выучил там.

Третий пункт содержал обвинения в агитации башкир против правительства. На это Габидулла Курбангалиев возразил следующее: «Дело в том, что за свою многолетнюю деятельность в качестве духовного руководителя башкир я неуклонно проводил среди последних мысль о полном доверии к Правительственным мероприятиям и должностным лицам, призванным их осуществлять. И смею думать, что в значительной мере этой моей деятельностью объясняется то, что сопровождавшееся в ряде других мест различными недоразумениями и даже волнениями земельное устройство башкир в моем округе прошло спокойно и планомерно»²⁰. В этом вопросе едва ли *ишан* заслуживал упрека. Его лояльность к светской и духовной власти не ставили под вопрос ни чиновники губернского правления, ни муфтий.

И, наконец, четвертый пункт (агитация за создание особого башкирского войска). Как утверждал Курбангалиев, сама идея воссоздания отдельного башкирского войскового соединения принадлежала генерал-губернатору Сухомлинову: «В беседе о местном населении он высказал мысль о желательности (в целях Правительства) возвращения к старому порядку вещей, когда башкирский народ входил, в целом, в состав так называемого башкирского войска»²¹.

Таким образом, Курбангалиев отвергал все предъявляемые ему обвинения, считая их происками своих недоброжелателей. Одним из весомых аргументов в пользу Курбангалиева было желание значительной части прихожан мечети в селе Медиак по-прежнему видеть его в качестве *ахуна*. Было составлено обращение за подписью 70 прихожан, в котором они ходатайствовали о восстановлении Курбангалиева в прежней должности. Однако своим решением от 14 мая 1913 г. Оренбургское губернское правление посчитало нежелательным удовлетворить ходатайство жителей деревни.

Несмотря на то, что обвинения в неблагонадежности были сняты с Курбангалиева еще во время рассмотрения дела Оренбургским губернским

²⁰ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1418. Л. 30 об.

²¹ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1418. Л. 31.

правлением, *ишан* не хотел довольствоваться этим половинчатым решением. Он добивался восстановления его на прежней должности имам-*хатиба* соборной мечети в Медиаке, *мударриса* – в медресе и возвращения ему звания *ахуна*. Помимо морального ущерба, он терпел и материальный убыток: «Я здесь в дер. Медиак только проживаю, а собств[енные] мои земли в другой деревне. На купленной по частной расписке земле здесь у меня построены дома и разные постройки. Здесь же находится мое собств[енное] большое медресе (учебн. заведение). До сих пор за особую плату мы здесь пользовались [общественными] пастбищами... 1-го с/м был в Медиаке земский начальник наш 1-го участка Челяб. у. К.М. Досаев; приехал он для разбора одного дела. После разбора он собрал сельский сход и начал толковать от себя к о[бществу] о моем деле и сказал, что Курбангалиев теперь совсем уволен и теперь, по его мнению, не достоин к уважению. И предлагал Курбангалиева выгнать и не допускать его скота в обществ[енное] пастбище и рубить [?] Курбангалиевым леса (... стоимостью 1500 руб.). Вследствие чего мы были вынуждены перевести свой скот в пастбище другой деревни»²².

Курбангалиев решил обратиться с апелляцией в Сенат – высшее судебное учреждение в Российской империи. Для этих целей он прибег к посредничеству Мухаммед-Сафы Баязитова, который находился в дружеских отношениях с сыном Курбангалиева – Мухаммед-Габдулхаем. Баязитов, в свою очередь, обратился к Никольскому. После того как стороны условились о цене, Никольский согласился вести дело Курбангалиева в Сенате. Как видно из «Дневника», произошло это в начале 1913 г.

Только 29 января 1915 г. постановлением Первого департамента Правительствующего Сената дело было решено в пользу Курбангалиева. Дело поступило в Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ), в компетенции которого находились религиозные дела мусульман империи. Курбангалиев обращался к Никольскому с просьбой побывать на приеме у министра внутренних дел или у директора ДДДИИ Е.В. Менкина «и убедить их в правильности его дела»²³.

Не совсем понятно, исполнил ли Никольский просьбу своего клиента, но министр внутренних дел поручил одному из своих подчиненных ра-

²² Письма Курбангалиева Г.Г. Никольскому Б.В. (1913–1916). ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 403. Л. 5. В приведенной цитате текст исправлен в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации.

²³ Письма Курбангалиева Г.Г. Никольскому Б.В. (1913–1916). ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 403. Л. 11.

зобратся в обстоятельства дела. Неизвестно по какой причине, но звание *ахуна* Курбангалиеву так и не было возвращено. Не был *ишан* восстановлен и в своей прежней должности имам-*хатиба*.

При изучении подобных дел есть все основания столкнуться с серьезной проблемой: исследователь, опираясь на доступные архивные источники, может легко стать их заложником. Позиция в споре или судебном деле одной из сторон может быть представлена в сохранившихся материалах в более полном объеме, в отличие от позиции другой стороны, что, к сожалению, влечет за собой ошибочные выводы (из-за отсутствия полного объема информации по интересующей проблеме). Причем такая ситуация может возникнуть не только в отношении событий, имевших место много лет назад, но и касаться недавнего прошлого. Наличие живых свидетелей и даже прямых участников событий не гарантирует исследователю свободу от ложных выводов.

Рассматривая дело Курбангалиева, автор не ставил задачу выяснить, насколько обоснованными были обвинения, выдвинутые в адрес *ишана*. Важнее было установить характер связей, которые существовали между правыми монархистами и мусульманами на примере сотрудничества двух людей: адвоката Б.В. Никольского и Г. Курбангалиева. Несмотря на то, что идейные взгляды Курбангалиева и Никольского были близки, между этими людьми не сложилось близкой дружбы или политического сотрудничества. Это объясняется отчасти тем, что к 1910-му году Никольский совершенно отошел от политической деятельности. Однако впоследствии сам Борис Владимирович в письме к поэту и критику Б.А. Садовскому признавался: «Мой принципиальный монархизм и патриотизм всем известны, и ни одна душа в мире не предполагает, чтобы я хоть на йоту в них поколебался и хоть йотою в них поступился. Я думаю даже, что теперь и самый исступленный большевик начинает признавать не только правизну, но и правоту моих убеждений» [15, с. 202]. Иными словами, несмотря на прекращение активной политической деятельности, Никольский оставался верен своим взглядам.

Но в тех мусульманах, с которыми он взаимодействовал и которые также придерживались схожих взглядов, Борис Владимирович не видел или не хотел видеть своих единомышленников и союзников. Как уже отмечалось прежде, мусульмане зачастую воспринимались русской публикой как чужие,

даже если исповедовали близкие их собственным воззрениями политические взгляды [6, с. 39]. Никольский не был здесь исключением. Мусульмане были для него представителями чуждого мира и интересовали его исключительно в качестве платежеспособных клиентов.

К слову сказать, Никольский так и не смог справиться с теми задачами, ради которых он был привлечен Курбангалиевым и Баязитовым. По приговору части односельчан Габидулла Курбангалиев был восстановлен в должности имам-хатиба только в 1918 г. [16, с. 270]. Но вернуться к роли духовного наставника и учителя в медресе ему так и не было суждено. Во время Гражданской войны Курбангалиев вместе с двумя своими сыновьями выступил против красных. В 1919 г. он являлся одним из организаторов конного отряда, состоявшего из башкир (т.н. «Полк Мухаммеда») [15, с. 202]. 7 декабря 1919 г. Габидулла Курбангалиев и его сын Габдул-Аваль были расстреляны во дворе тюрьмы в городе Стерлитамак «как сознательные и опасные враги рабоче-крестьянской власти» [Цит. по: 9, с. 75]. За полгода до этого, 12 июня 1919 г., в Петрограде та же участь постигла Б.В. Никольского «как убежденного организатора Союза Русского Народа». Согласно легенде, которую приводит поэтесса З.Н. Гиппиус, тело Никольского было скормлено обитателям Зоологического сада [17, с. 19].

Приложения

Письма Г.Г. Курбангалиева к Б.В. Никольскому²⁴

Письмо 1

Заказное

С-Петербург, Офицерская 3, кв. 9

Профессору Барису Владимировичу Господину Никольскому

От Курбангалиева Челябинск

Глубоко почтаемый Борис Владимирович!

Последнее время не известности и медленности моего дела в Сенате дает нам крайне не удобное и беспокойные положение.

Наш местные верховная власти и их друзей обедили меня ложным доносом, а теперь, пока я не в должности, хотят поспешить раззореть меня и материялно. Так если Сенат кончет дела в пользу, то могут прекратятся всей кляузы. Я здесь в дер. Медиак только проживаю а собств. мой земли в другое деревни. Ну на купленое по частное расписки земли здесь у меня построино дома и разный постройки. Здесь же находится моей собств. большие медрассе (учебн. заведение). До сих пор за особую плату мы здесь пользовались с пастбищами на обществ. по скотины. 1-го с/м был в Медиаке земский начальник наш 1-го участка Челяб. у. К.М. Досаев; приехал он для разбора одного дело. Ну после разбора он собрал сельский сход и начал толковать от себя к о-ву о моим деле и сказал что Курбангалиев теперь совсем уволен и теперь по его мненияне достойный к уважению. И предлагал Курбангалиева выгнать и не допускать его скота в обществ. пастьбеще и рубить решенные Курбангалиевым леса (крупного порода стоимостью 1500 руб.).

Вследствие чего мы были вынуждены перевести свое скота в пастьбеще дрогого деревни. Земск. начальник до сих пор был от нас доволен. Ну почему то перевернулся очень скоро. По этому и есть сомнение что не от Губернатора ли это давление или нет ли в этом участие его дрозья. Здесь была объявлена отказ о нашего хлопоты о временное должности ну противники его распространяет как окончательная отказ со стороны Сената. Тепер даже и те люди, который всегда

²⁴ Письма Курбангалиева Г.Г. Никольскому Б.В. (1913–1916). ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 403. Л. 1–11 об. Письма публикуются с сохранением орфографии, пунктуации и грамматических особенностей оригинала.

были нашими услугами и то стали говорить что не безсомнения ли кто-либо хлопчет о нашем деле. По предложению Земск. начальника о-ва теперь нас могут выгнать а мы к своей несчастье построили здесь еще новый дом. Не будьбы надежда к разбору дела в Сенате к весне и не будьбы надежда к Высоким моим доброжелателям мы могли бы хоть перевести свой скот по своей воли и могли бы обрать свой дома постепенно а теперь не чего не возможно. Теперь пока нет должность и нет не какого спокойство. Это мне как человеку седому, не здоровому и семейному и использовавшему от своего рождение до сего время с великими почетами между свой башкир, действует крайно сельно и плохо.

Спасети пожалуста нас Борис Владимирович от таковое непрерывной раззорения.

А не правильном действие Земск. начальника вообще не только по н/делу мы подробно писали г-ну Баязитову покорнейше просим, если возможно ему позвонить.

Извеняюсь пред Вами за беспокойство и прыбываю ссовершенным почтением к Вам.

Габидулла Курбангалиев
1914 г. Июня 24го дня Медиак

Письмо 2

Габидула Габдулхакимович Курбангалиев
В дер. Медиак, Челябинского уезда
Заказное
Петроград, Офецская 3, кв. 9
Профессору Б.В. Гну Никольскому
5 сентября 1914 [штамп]

[Штамп] Габидулла Габдулхакимович Курбангалиев
Сентября 1-го дня 1914 г.
Дер. Медиак, Челябинского уезда

Глубоко почетаемый Борис Владимирович!

Милостивый Гасударь! Пишут что заседание Сената наченается около 15 с/м. По этому крепко надеемся, что Вы конично будети принимать всей меры к ускурению разбора моего дела. В 5 сентября прошлого года при личном свидание Вы извоили сказать что для ускурение дела нужно будет от нас прошение

Беккин Р.И. «Спасибо татарам, – они мой главный ресурс...» (Дело Габидуллы Курбангалиева и проблема сотрудничества между лидерами черносотенного движения и правыми деятелями в среде мусульман)

и Вы будете написать и прислать нам. Таковое прошение еще нами не получено. Ну если это нужно и сейчас то покорнейше прошу писать об этом прошении и прислать нам для подписи. Быть может, что наше дела в Сенате уже назначено к разбору нам не известно. Ну вся надежда к Вам, покорнейше просим не оставить без внимание. В прошлом году при личном свидании мы передали Вам копия решение Сената по делу Оренбургск. Ахуна Альметева от 14 декабря 1904 г. предполагая что оно будет материал и к нашему делу. Вероятно, это копия находится у Вас.

С совершенным почтением к Вам
Габидулла Курбангалиев

Письмо 3

Профессору Борису Владимировичу Никольскому
Петроград, Офецкая ул. №3

Многоуважаемый Борис Владимирович.

Я получил письмо от ахуна г. Баязитова, из которого видно, что Вы читая мое письмо изволили усмотреть, мое неудовольствие в медленности дела в Сенате, в частности и Вами.

Боже меня упаси, от всякого заявления какого либо неудовольствия, я прекрасно знаю, что Сенат не спешит разбором дел, ссылаясь на обремененность делами, а быть недовольным Вами у меня не было в мысли. Сознаюсь, что могло быть неясно редактировано письмо и конечно прошу за это прощения.

Что касается прошения в Сенат об ускорении дела, то я одновременно с этим таковое отправляю в Сенат.

Прощение мотивировано добытыми данными из практики того же Сената и общими местами и взглядами о законности.

Настоящим имею честь просить Вас о принятии всех возможных мер к скорейшему и удовлетворительному разрешению дела и буду ждать от Вас скоро известий по интересующему меня вопросу.

Пребываю с совершенным почтением,
Ваш покорный слуга, Г.Г. Курбангалиев

Сентября 29-го 1914 г.
Медиак

Письмо 4

Заказное

Петроград Офицерская 3, кв. 9

ЕВБ Профессору Борису Владимировичу Г-ну Никольскому

[Штамп] Габидулла Габдулхакимович Курбангалиев

Апрель 6-го 1915 г.

Медиак, Челябинского уезда

Глубоко почтаемый Борис Владимирович!

Известный Вам мой дело о восстановление меня в должности Ахуна, 29 января с/г в Первом Департамента Правительствующего Сената решилось в мою пользу, и передано Г-ну Министру внутр. дел для скрепление его своею подписью. При согласия Министра с/м департ. Сената дело это пойдет в губернск. правление для исполнению моего прозьба согласно в сенатского указе основаниях. А если Министр по чему либо не согласится до дело пойдет в общей собрании Сената для решения разногласия Министра с/м депортаментом. В этом случае опасаюсь что тогда мой дело опять будет тянуться на годы.

Как мне пишут из Петрограда в настоящей время дело это находится в Министерстве вн. дел в Департаменте духовн. дел иностранных исповеданий. Принося Вам мой искренней благодарность за Ваш чисто человечески помощь в моих делах в прошлый время. Осмеливаюсь покорнейше просить Вас не отказать покровительством и в настоящей время. А именно побывать у г. министра внутр. дел или у директора деп. духовн. дел Евгения Васельевича Минкина и убедить их в правильности моего дело. Полное моей благонадежностей в политическом отношении верности и приданности моей Монарху и Правительство, и просить об оскорейшем заключении их, подробности и мативов решение 1-го департамента Сената известны нашему поверенному Александру Александровичу Башмакову (Петроград Пушкинская 11, кв. 4 телеф. 159-92).

В том и безпокоим Вас этими просьбами по старый наш знакомствия.

С совершенным почтением к Вам.

Габидулла Курбангалиев

Беккин Р.И. «Спасибо татарам, – они мой главный ресурс...» (Дело Габидуллы Курбангалиева и проблема сотрудничества между лидерами черносотенного движения и правыми деятелями в среде мусульман)

В случае если благоволите уведомить нас письмом, то адрес наш:

Ст. Аргаяш. Омск. ж.д.

Курбангалиеву

Телеграммы²⁵

Телеграмма 1

Телеграмма
Пбг Офицерская 3
Никольскому
№6676
Из Челябинска
Принята 31 XII 1913 г.

Убедительно прошу не отказать скорее выслать мне прошение временном исполнении

Курбангалиев

Телеграмма 2

Челябинск
Габдулхаю

Очень скоро указ по возвращении встреч не советую можно благодарственную телеграмму подробности завтра

Сафа

Мойка, 22, кв. 28. 23 марта, 1913 г.

Телеграмма 3

Петропавловск Акмол
Большая Садовая 24
Курбангалиеву

Послано Оренбург скоро получите все благополучно

Сафа

Мойка, 22, кв. 28

²⁵ Телеграммы Курбангалиева Г.Г. Никольскому Б.В. (1913). ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 997. Л. 1; О восстановлении Курбангалиева Г.Г. в должности ахуна деревни Меднак Оренбургской губернии (1904–1913). ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1418. Л. 18–25.

Телеграмма 4

Аргаяш
Курбангалиеву

Поздравляю дело разрешили нашу пользу но только до получения официальных бумаг отец пусть не уезжает из Петропавловска

Баязитов
Мойка 22

Телеграмма 5

Петропавловск Акмолинский
Большая Садовая 24
Курбангалиеву

Дело обстоит хорошо на днях не позже пятницы

Сафа
Мойка 22. ...

Телеграмма 6

Челябинск
Габдульхаю

Поздравляю нашу пользу восстановлением прав

Габдулла

Телеграмма 7

Петропавловск
Большая Садовая 24
Курбангалиеву

Поздравляю дело решено в вашу пользу но только пожалуйста не уезжайте Медиак до получения официальных бумаг

Баязитов
Мойка 22 15 марта

Беккин Р.И. «Спасибо татарам, – они мой главный ресурс...» (Дело Габидуллы Курбангалиева и проблема сотрудничества между лидерами черносотенного движения и правыми деятелями в среде мусульман)

Телеграмма 8

Аргаяш
Курбангалиеву

Обстоит благополучно чрез Губкина буду телеграфировать пятницу

Абдулла

Мойка 22, кв. 28. 8 мар, 1913 г.

Докладные записки²⁶

Копия

Его Превосходительству
Господину Директору Департамента Полиции

По доверенности бывшего ахуна дер. Медиак, Челябинского уезда
Габидуллы Курбангалиева сына его М-Габдулхая Курбангалиева,
жив. в названной дер. Медиак

Докладная записка 1

В конце минувшего 1912 года мой отец бывший ахун дер. Медиак, Челябинского уезда Оренбургской губернии Габидулла Карбангалиев [так в документе] по постановлению Особого Совещания выслан из пределов Оренбургск. губернии без права возвращения в нее и три смежных губернии в течение трех лет.

Позволяю себе обратиться к Вашему Превосходительству и остановить Ваше внимание на следующих неоспоримых данных, говорящих за Курбангалиева и позволяющих мне думать, что если был какой-либо материал у Особого Совещания для такой кары Курбангалиева, то он был либо односторонне передан, или изложен, либо неправильно истолкован, либо совсем подложен:

16го августа 1912 г. за №481 состоялось журнальное постановление Оренбургск. Губ. Правления, из которого видно, что дело о неправильных действиях Курбангалиева началось еще в 1907 году, с какового времени постоянно поступали жалобы и телеграммы как на имя Губернского Начальства,

²⁶ О восстановлении Курбангалиева Г.Г. в должности ахуна деревни Меднак Оренбургской губернии (1904–1913). ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1418. Л. 17–17об., 30–31. Документы публикуются в современной орфографии, с сохранением особенностей правописания и синтаксиса оригинала.

так равно и в Министерство, что во всех этих жалобах главным действующим лицом выступал дворянин Хамидулла Кучуков, который кстати сказать, в 1908 году был сам выслаем из Оренбургской губернии. По этим жалобам производился целый ряд дознаний, как общей, так и жандармской полицией. Лица, подписавшие те жалобы, или те лица, на которых делалась ссылка в них, действительно подтверждали изложенное, наконец, по мнению Директора народного училища Оренбургск. губ. некоторые случаи в деятельности Курбангалиева, по вопросу обучения в русском классе Медиакского училища должны быть признаны нежелательными, но с другой стороны, имеется опять целый ряд прошений, уже не от одних и тех же лиц, а многих, которые говорят, что Курбангалиев всеми уважаем, а его общественная деятельность весьма полезна, такую-же характеристику о Курбангалиеве дал и ныне дает Оренбургский Муфтий, Оренбургское Магометанское Духовное Собрание указывает, что в учении Курбангалиева нет ничего противозаконного, наконец, Курбангалиеву, за безупречную службу Высочайше пожалована большая серебряная медаль, а как уведомил Д[епартамен]т Духовных Дел (10 февраля 1912 г. №1302) Курбангалиев представляется к почетной награде. К тому смею добавить, что мой отец, служа муллой, а потом ахуном с 1883 г. все время имел медресе, которое за это время не одну сотню выпустило учеников отца и все они вышли верными слугами своего Государя Императора и Родины, спокойно прошли и те бурные 1905 и 1906 г.г., когда всё и все были не довольны и свое недовольство так или иначе проявляли. Наконец, я, житель деревни, никуда из нее не выезжавший, также ученик отца, знаю русскую грамоту, могу читать и писать по-русски.

В виду таких данных Губернское Правление в действиях Курбангалиева не нашло каких-либо служебных преступлений, а дело передано в Канцел. Губернатора для направления Начальнику Губернско-Жандармского Управления, согласно о том его требования.

Снова дознание через Жандармского офицера, опять показания того же Кучукова с товарищами. Ясно, что ничего нового они не могли дать и ясно, что при разрешении вопроса и виновности Курбангалиева нужно будет эти показания противопоставить с другими данными в деле, и решить, что из всего этого достойно внимания, на основании чего нужно решить это дело и как поступить с Курбангалиевым.

Беккин Р.И. «Спасибо татарам, – они мой главный ресурс...» (Дело Габидуллы Курбангалиева и проблема сотрудничества между лидерами черносотенного движения и правыми деятелями в среде мусульман)

Если теперь принять во внимание, что жалобы подавались в течение многих лет одними и теми-же лицами, что все эти жалобы до настоящего времени не имели успеха, то легко будет понять, что у Курбангалиева имеются лица враждебно настроенные к нему, у которых одна цель убрать с пути Курбангалиева и тем самым прежде всего спасти себя от могущего быть против них уголовного преследования за ложный донос.

Если теперь вспомнить все то положительное, о чем говорит его ближайшее Начальство, народ и высшее Начальство, то я думаю, что от вины Курбангалиева ничего не останется.

В виду изложенного, почтительно прошу Ваше Превосходительство взвесить вновь весь собранный по этому делу материал, принять во внимание мною сказанное, после чего войти с ходатайством пред Его Высокопревосходительством Господином Министром Внутренних дел об отмене избранного Курбангалиеву наказания и о возвращении его на родину с теми же правами, которые он имел и которые еще недавно потерял, с восстановлением его в прежней должности.

С.-Петербург, Января 16 дня.

Копия

Его Высокопревосходительству
Господину Министру Внутренних дел

Бывшего Ахуна Оренбургской губернии Челябинского уезда Мухамедкулуевской волости деревни Медиаково,
Габидуллы Габдулхакимова Курбангалиева

Докладная записка 2

Особое Совецание постановило выслать меня из пределов Оренбургской губернии, воспретив въезд как в последнюю, так равно и в три смежные губернии в течение трех лет.

Я уже старик. С 1883 года занимаю должность муллы, с 1890 года – ахуна. За беспорочную службу имею высочайшую милость – большую серебряную медаль. Свободное от исполнения должностных обязанностей время посвящал торговым делам. Политической деятельностью никогда не занимался

и политическими вопросами не интересовался. По убеждениям своим я известен как консерватор; будучи искренне предан Престолу и Отечеству, я по мере сил своих старался в своей деятельности, в качестве духовного руководителя населения, внедрять начала верноподданнической любви и преданности в жизнь своей паствы.

На основании каких данных Особое Совещание признало меня неблагоденственным, мне неизвестно, но производившееся по доносу некоторых лиц дознание и вопросы этим дознанием возбужденные позволяют предполагать, что мне вменяется в вину четыре рода действий: 1) соби́рание денег на турецкий флот, 2) агитация против русских школ, 3) возбуждение башкирского населения против действий правительства и 4) агитация за создание особого башкирского войска.

Осмелюсь остановиться на каждом из этих пунктов обвинения в отдельности:

О соби́рании денег на турецкий флот среди российских мусульман не слыхал даже отдаленнейшим образом. Деяние я считаю изменническим. Глубоко убежден, что не только я, человек консервативных взглядов, но и кто бы то ни было из мусульман никогда ничего подобного не совершал и совершить не мог. Самая мысль о содействии усилению какого-либо государства за счет Российской Империи, если бы таковая мысль и возникла, не нашла бы и не могла бы найти никакого сочувствия среди мусульманского населения, глубоко преданного своей родине. Для меня, как верного сына своего отечества и преданного слуги Своего Государя, глубоко оскорбительно уже самое допущение возможности с моей стороны такого деяния. Категорически утверждаю, что если в распоряжении Особого Совещания имеются какие-нибудь конкретные факты в этом смысле, то факты эти безусловно подложны и инсценированы моими недоброжелателями.

Что касается обвинения в агитации против русских школ, то в этом отношении мне достаточно сослаться на два обстоятельства, вполне, как мне кажется, опровергающих правильность этого обвинения: в 1897 году при моем медресе был открыт русский класс для обучения учеников русской грамоте. Я первый искренне приветствовал открытие русской школы и все силы положил на то, чтобы вселить в населении доверие к ней. Затем, в 1907 году, я, будучи послан населением, принимал участие в работе образованной в этом году при Министерстве Народного Просвещения Комиссии для пересмотра

правил 31 марта 1906 года, имевшей своим предметом выработку норм, определяющих распространение русского просвещения среди инородцев.

Далее, обвинение в возбуждении башкирского населения против действия Правительства легче всего могло быть проверено местной администрацией. Последняя легко могла вскрыть всю неправильность и сугубо пристрастность этого обвинения.

Дело в том, что за свою многолетнюю деятельность в качестве духовного руководителя башкир я неуклонно проводил среди последних мысль о полном доверии к Правительственным мероприятиям и должностным лицам, призванным их осуществлять. И смею думать, что в значительной мере этой моей деятельностью объясняется то, что сопровождавшееся в ряде других мест различными недоразумениями и даже волнениями земельное устройство башкир в моем округе прошло спокойно и планомерно.

Наконец, самым тяжелым, но в то же время и самым странным является обвинение меня в том, что я вел агитацию за создание особого башкирского войска. Станным является оно потому, что в основе его лежит факт, доказывающий полную мою готовность всеми силами содействовать видам Правительства и постановленных им властей. В мае 1912 года Начальник Оренбургской губернии Генерал Сухомлинов, проезжая по нашему краю, разрешил мне ему представиться. В беседе о местном населении он высказал мысль о желательности в целях Правительства возвращения к старому порядку вещей, когда башкирский народ входил в целом в состав так называемого башкирского войска. При этом Генерал просил меня приготовить население к тому, чтобы оно на Волостных Сходах подвергло этот вопрос обсуждению и возбудило через него соответствующее ходатайство перед Правительством. На мое указание о том, что мне как духовному лицу закон воспрещает личное участие на Сходах, Его Превосходительство изволил сказать, что вопрос этот на обсуждение Сходов он предложит официально через Г.г. Земских Начальников, а с моей стороны ждет лишь содействия в смысле морального влияния на население. Не будучи осведомлен о том, насколько возвращение к прежнему порядку отдельного существования башкирского войска действительно в целях Правительства является желательным, и всецело полагаясь в данном случае на слова высшего в крае представителя Верховной власти, я из служебного усердия действительно стал беседовать с более влиятельными на месте муллами по поводу возбужденного Его Превосходительством вопроса. Пра-

ктически беседы эти ни к чему не привели, потому что Г. Начальник губернии, по-видимому, отказавшийся от своей мысли, официально на разрешение сходов вопроса этого не предложил.

Не знаю, в какой окраске факт этот дошел до сведения Особого Сопещения, но позволяю себе думать, что беседы с местным населением на тему, возбужденную Г. Начальником губернии, не имеют ничего общего с сепаратистской агитацией за создание особого национального войска.

Если при таких обстоятельствах Особое Сопещение тем не менее нашло возможным вывести заключение о моей неблагонадежности, то я позволяю себе объяснить это только тем, что материал, на основании которого сделано было такое заключение, представлен был в явно неполном и извращенном виде. Дело в том, что против меня ведется борьба со стороны лиц, враждебно ко мне настроенных. Враждебность эта обуславливается частью личными и имущественными отношениями, частью же консервативностью моих взглядов в области религиозно-просветительной и общественной. По своему нравственному облику лица эти известны и местной администрации с самой дурной стороны. Большинство из них не раз привлекалось к ответственности за более или менее предосудительные поступки. Этим объясняется то обстоятельство, что до сего времени доносы их на меня не имели обычно никакого успеха[.] Начальствующие лица, убеждаясь при самой легкой проверке в полнейшей необоснованности этих доносов, не давали им дальнейшего хода.

К сожалению, на этот раз проверка, надо думать, ограничилась только допросом указанных доносителями лиц, принадлежащих к той же группе.

В результате пользования такими данными получилось то, что я, человек безусловно консервативных взглядов и искренне преданный своему Государю, был признан неблагонадежным и подвергнут тяжелой каре.

Докладывая обо всем изложенном Вашему Высокопревосходительству, я, преисполненный тяжелого чувства незаслуженной обиды, осмеливаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с почтительнейшей просьбой не отказать вновь пересмотреть мое дело и, по выяснении моей невиновности, освободить от наложенной кары.

Настоящую докладную записку подать доверяю сыну моему Мухаммет-Габдулхай Габдуллоевичу Курбангалиеву.

Января ... дня 1913 года.

Габидулла Габдулхакимов Курбангалиев.

Беккин Р.И. «Спасибо татарам, – они мой главный ресурс...» (Дело Габидуллы Курбангалиева и проблема сотрудничества между лидерами черносотенного движения и правыми деятелями в среде мусульман)

Литература

1. Давиденко А.В. *Эволюция правомонархических концепций политического устройства России (1900–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук.* Хабаровск, 2001. 27 с.
2. Размолодин М.Л. *Русский вопрос в идеологии черной сотни.* Ярославль: Ньюанс; 2013. 480 с.
3. Беккин Р.И. Переписка Б.В. Никольского с лидерами партии «Сират аль-мустахим». *Восточный архив.* 2019;2(40):33–44.
4. Михайлова Е.М. Идеология правого монархизма в многонациональном Поволжье в начале XX в соотношении национального и социального аспектов. *Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении.* М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН РФ; 2005. С. 489–496.
5. Михайлова Е.М. Национальный вопрос в идеологии и практике правых партий и организаций Поволжья (1905–1917 гг.). *Этнос и личность: исторический путь, проблемы и перспективы развития: материалы межрегиональной научно-практической конференции.* М. – Чебоксары, 2003. С. 150–153.
6. Беккин Р.И. К вопросу о взаимодействии мусульманского духовенства с лидерами черносотенного движения (на примере Атауллы и Мухаммед-Сафы Баязитовых). *Труды Государственного музея истории религии.* 2017;17:237–244.
7. Беккин Р.И. «Я не знаю, какой человек ахун...» (В.С. Соловьев и А. Баязитов: происхождение одного мифа). *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия.* 2018;(1):99–112.
8. Беккин Р.И. «Рабочие мне угрожали убийством за назначение Баязита...»: М.С. Баязитов и дело ленинградских мулл 1932 года. *Новейшая история России.* 2019;9(4):1058–1072.
9. Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане.* Уфа, 1999. 352 с.
10. Никольский Б.В. *Дневник. 1896–1918.* Т. 2: 1904–1918. СПб.: Дмитрий Буланин; 2015. 652 с.
11. Никольский Б.В. *Дневник. 1896–1918.* Т. 1: 1896–1903. СПб.: Дмитрий Буланин; 2015. 703 с.

12. Роднов М. Башкиры на страницах уральской прессы начала XX века. *Бельские просторы*. 2008;6(115):140–148.

13. Юнусова А. Курбангалиевы. *Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь*. Т. I. М., 2018. С. 229.

14. Ахсанов К. Балканская война. Татарская общественно-политическая мысль и Крым. *Крымское историческое обозрение*. 2014;(1):8–20.

15. Никольский Б.В. *Сокрушить крамолу*. Сост., предисл. и примеч. Стогова Д.И., отв. ред. Платонов О.А. М.: Институт русской цивилизации; 2009. 464 с.

16. Хакимов Р.Ш. Курбангалиевы: след в истории ислама южного Урала. *Ислам и исламоведение в современной России. Сборник докладов Всероссийского исламоведческого форума*. Махачкала, 2019. С. 267–275.

17. Стогов Д. Предисловие. Никольский Б.В. *Сокрушить крамолу*. М.: Институт русской цивилизации; 2009. С. 5–46.

References

1. Davidenko A.V. *Evolutsiya pravomonarkhicheskikh koncepciy politicheskogo ustroystva Rossii (1900–1917 gg.): avtoref. dis. ... kand. istor. nauk*. [Evolution of the right-monarchist concepts of the political structure of Russia (1900–1917). Dissertation in History thesis abstract]. Habarovsk, 2001. 27 p. (In Russian)

2. Razmolodin M.L. *Russkiy vopros v ideologii chernoi sotni* [The Russian question in the ideology of the Black Hundred movement]. Yaroslavl: Nyuans; 2013. 480 p. (In Russian)

3. Bekkin R.I. Perepiska B.V. Nikolskogo s liderami partii «Sirat al-Mustaqim» [Correspondence of V.V. Nikolsky with the leaders of the Sirat al-Mustaqim party]. *Vostochnyj arkhiv* [Oriental Archive]. 2019;2(40):33–44. (In Russian)

4. Mikhailova E.M. *Ideologiya pravogo monarkhizma v mnogonatsionalnom Povolzhye v nachale XX v sootnoshenie natsionalnogo i sotsialnogo aspektov* [The ideology of right-wing monarchism in the multinational Volga region at the beginning of the 20th century, the ratio of national and social aspects]. *Agrarnyi stroi Srednego Povolzhya v etnicheskom izmerenii* [The Agrarian System of the Middle Volga Region in the Ethnic Dimension]. Moscow: Institut nauchnoi informatsii po

obshchestvennym naukam RAN RF [Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences]; 2005, pp. 489–496. (In Russian)

5. Mikhailova E.M. Natsionalnyi vopros v ideologii i praktike pravykh partiy i organizatsiy Povolzhya (1905–1917 gg.) [The National Question in the Ideology and Practice of Right-Wing Parties and Organizations in the Volga Region (1905–1917)]. *Etnos i lichnost: istoricheskiy put, problemy i perspektivy razvitiya: materialy mezhregionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Ethnicity and Personality: Historical Path, Problems and Development Prospects: Materials of the Interregional Scientific and Practical Conference]. Moscow – Cheboksary, 2003, pp. 150–153. (In Russian)

6. Bekkin R.I. K voprosu o vzaimodeistvii musulmanskogo dukhovenstva s liderami chernosotennogo dvizheniya (na primere Atauly i Muhammed-Safy Bayazitovykh) [On the question of the interaction of the Muslim clergy with the leaders of the Black Hundred movement (by the example of Ataullah and Mohammed-Safa Bayazitov)]. *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii* [Proceedings of the State Museum of the History of Religion]. 2017;17:237–244. (In Russian)

7. Bekkin R.I. «Ya ne znayu, kakoi chelovek akhun...» (V.S. Solovyov i A. Bayazitov: proiskhozhdenie odnogo mifa) [«I do not know what kind of person akhun is...» (V.S. Solovyov and A. Bayazitov: the genesis of one myth)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow State University Bulletin. Philosophy series–7]. 2018;(1):99–112. (In Russian)

8. Bekkin R.I. «Rabochie mne ugrozhali ubijstvom za naznachenie Bayazitova...»: M.S. Bayazitov i delo leningradskih mull 1932 goda [«Workers Threatened to Kill Me for Appointing Bayazitov...»: M.-S. Bayazitov and the Case of Leningrad Mullahs of 1932]. *Noveishaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2019;9(4):1058–1072. (In Russian)

9. Yunusova A.B. *Islam v Bashkortostane* [Islam in Bashkortostan]. Ufa, 1999. 352 p. (In Russian)

10. Nikolsky B.V. *Dnevnik. 1896–1918* [A diary. 1896–1918]. Vol. 2: 1904–1918. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin; 2015. 652 p. (In Russian)

11. Nikolsky B.V. *Dnevnik. 1896–1918* [A diary. 1896–1918]. Vol. 1: 1896–1903. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin; 2015. 703 p. (In Russian)

12. Rodnov M. Bashkiry na stranitsakh uralskoi pressy nachala XX veka [Bashkirs on the Pages of the Ural Press of the Early XX century]. *Belskie prostory*. 2008;6(115):140–148. (In Russian)

13. Yunusova A.B. Kurbangaliyevy [The Kurbangaliyevs]. *Islam na territorii byvshei Rossiyskoi imperii: entsiklopedicheskiy slovar* [Islam in the Territory of the Former Russian Empire: an Encyclopaedic Dictionary]. Vol. I. Moscow, 2018, p. 229. (In Russian)

14. Ahsanov K. Balkanskaya voyna. Tatarskaya obshchestvenno-politicheskaya mysl i Krym [Balkan War. Tatar Socio-Political Thought and the Crimea]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review]. 2014;(1):8–20. (In Russian)

15. Nikolsky B.V. *Sokrushit kramolu* [Crush the Sedition]. Moscow: Institute of Russian civilization; 2009. 464 p. (In Russian)

16. Khakimov R.Sh. Kurbangaliyevy: sled v istorii islama yuzhnogo Urala [The Kurbangaliyevs: a trace in the history of Islam in the Southern Urals]. *Islam i islamovedenie v sovremennoi Rossii. Sbornik dokladov Vserossiyskogo islamovedcheskogo foruma* [Islam and Islamic Studies in Modern Russia. Collection of reports of the All-Russian Islamic Studies Forum]. Makhachkala, 2019, pp. 267–275. (In Russian)

17. Stogov D. Predislovie [Foreword]. Nikolsky B.V. *Sokrushit kramolu* [Crush the Sedition]. Moscow: Institute of Russian civilization; 2009, pp. 5–46. (In Russian)

Информация об авторе

Беккин Ренат Ирикович, профессор РАН; доктор экономических наук, Ph.D. in Religious Studies, кандидат юридических наук, профессор, Институт востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН, г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Renat I. Bekkin, Professor of the Russian Academy of Sciences; D.Sc. in Economics, Ph.D. in Religious Studies, Cand. Sc. in Law; Professor at the Institute of Oriental Studies at the Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, the Russian Federation; Leading Research Fellow at the Institute for African studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation.

Беккин Р.И. «Спасибо татарам, – они мой главный ресурс...» (Дело Габидуллы Курбангалиева и проблема сотрудничества между лидерами черносотенного движения и правыми деятелями в среде мусульман)

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 октября 2020
Одобрена рецензентами: 01 декабря 2020
Принята к публикации: 10 декабря 2020

Article info

Received: October 15, 2020
Reviewed: December 01, 2020
Accepted: December 10, 2020